
Валерий БОЧКОВ

ПАРАДОКС ЛЕВИТАНА

Рассказ

1

У Гриши Горхивера, узкогрудого мужчины с костистым лицом хворой птицы, была досадная привычка тормозить собеседника за пуговицу. Еще Гриша просил называть его Грэгори, он так и представлялся: «Грэгори Горхивер, радиожурналист». При этом сильно жал руку и долго не выпускал ее из небольшой, прохладной ладони, тут же начиная плотоядно разглядывать пуговицы вашего пиджака.

Непрененно (это уже ухватив вас за пуговицу), независимо от темы, оповещал, что родился и вырос не где-нибудь, а в Камергерском переулке. Был страшно этим горд, называя себя коренным москвичом, будто здесь, в Нью-Йорке, этот факт мог кого-то впечатлить.

Он действительно вырос в тех горбатых закоулках столицы, неглинская шпана из нищих коммуналок частенько поколачивала его и выворачивала карманы: Гришина очевидная национальность, папина профессорская «Волга» и круглые окуляры в роговой оправе представлялись хулиганам достаточными поводами для битья.

И хотя Гришу уже давно никто не колотил, очки его по-прежнему были починены изолентой и подкручены проволокой, напоминая самодельный мопед. Гриша неизменно одевался в серое, причем другие цвета и оттенки на нем выглядели тоже разновидностью серого. Еще он был рассеян, много и неопратно курил, соря везде пеплом и плюща окурки в цветочных горшках.

Впрочем, все это не имеет ни малейшего значения, поскольку Гриша обладал Голосом. Именно с заглавной буквы. Покойный Сережа из новостной группы называл это парадоксом Левитана, имея в виду не унылого певца среднерусского пейзажа, а Левитана-от-Советского-Информбюро. Пусть от Сережиного надтреснутого баса барышни тихо млели и начинали загадочно улыбаться, но до волшебного баритона Горхивера ему было ох как далеко.

2

Впервые я услышал этот божественный голос много лет назад. Сквозь трескотню гэбэшных глушилок сочный радиобаритон звучал из моего коротковолнового «ВЭФа» словно сигнал из далекой, почти фантастической галактики.

Валерий Бочков — русский писатель, русский и американский художник-график, член американского ПЕН-клуба. В издательстве «ЭКСМО» выходит персональная серия автора, восьмая книга серии «Берлинская латунь» вышла в январе 2018 года. Печатается в журналах «Волга», «Дружба народов», «Знамя», «Новая Юность», «Октябрь» и других. Лауреат «Русской премии» (за роман «К югу от Вирджинии»), обладатель премии Эрнеста Хемингуэя (роман «Харон»).

Эфир моей родины был суров и однообразен, начиная с бойкого марша утренней гимнастики и кончая неизбежно пугающим вступительным аккордом полуночного гимна. Между этими музыкальными номерами исполнялся неизменный матросский танец из балета «Красный мак», суматошные украинские частушки и несколько оперных арий.

И вот на фоне вселенского уныния и бесконечных побед и на бескрайних просторах, столь созвучных славянской душе и погоде, вдруг, зычно раздирая каждую букву «р», некто невидимый и великолепный прорычал:

— В эфир-ре Билли Р-р-роковоский и его музыкальный хит-пар-рад!

Этот неземной Билли виделся мне статным красавцем блондином, белозубым балагуром с ямочкой на мощном подбородке, как у парней с рекламы американского табака. Шутки его были верхом остроумия, музыкальный вкус — безупречным, а его коронное «Лови волну, бэби!» — величайшей фразой в истории радиовещания.

Потом, спустя много лет, Гриша уверял меня, что псевдоним был взят не столько из соображения благозвучности, сколько из осторожности: часть Горхиверов еще проживала там (при этом он мотал лысоватой головой куда-то вбок, словно предлагал выпить) — за «железным занавесом».

3

В тесной студии на Лексингтон-авеню, подложив под ноги увесистый том телефонной книги — иначе ботинки не дотягивались до пола, что раздражало и отвлекало его, — Гриша поправлял «уши», подкручивал штангу микрофона и, придушив оу-рок в треснутой гжельской чашке, слушал, как Сережа в соседней студии дочитывает новости.

Потом шла отбивка станции.

После режиссер Лариса включала Гришин джингл — бешеный гитарный рифф из «Хайвей стар» с лихим выходом:

— В эфире — Билли Рокосовский и его музыкальный хит-парад!

Тут Гриша преобразался: подавшись вперед, будто вспыхивал изнутри и, подмигивая всем лицом скучающей Ларисе, кричал:

— Лови волну, бэби!

Представление начиналось.

Если начистоту, то к рок-музыке Гриша относился флегматично или, как он сам определял, индифферентно. Как всякого приличного еврейского мальчика его учили скрипке, что, однако, не переросло в закономерную ненависть к классической музыке. Да и тогда, в камергерские годы, в меру культурные родители особо не настаивали, так что сейчас Гриша отчасти благодаря им предпочитал Георга Фридриха Генделя Джимми Хендриксу.

Бреясь и курая одновременно, Гриша старательно высвистывал увертюру к «Фигаро». Поглядев в глазок, отпирал дверь: год назад этажом ниже нашли зарезанного. Спускаясь по лестнице, Гриша старался не наступать на иглы и пустые «дозы» — да, райончик, конечно, не ахти — Бруклин, чего вы хотите? — приходится экономить.

С личной жизнью тоже не клеилось. Напористо бодрых американок Гриша побаивался, а эмигрантские дамы, даже из тех, кому и терять-то уже было нечего, на Гришины ухаживания не откликались, фыркали и поводили плечами.

Следует упомянуть Розиту, круглолицую, коренастую и чернобровую. Она почти не говорила по-английски, а вскоре после того случая уволилась со станции.

Тем ноябрем Гриша писал голос на джинглы и застрял до полуночи: ни с того ни с сего магнитофон начал жевать пленку, и все пришлось переписывать заново.

По карнизу заколотил то ли дождь, то ли град. Бледные отражения потекли по стеклу, там Розита короткими красными руками сматывала шнур пылесоса. Охнув, зацепила и свалила ворох бумаг с Гришиного стола. Гриша ринулся помогать.

Во тьме кладовки, гремя ведрами и роняя швабры, он овладел Розитой неуклюже и впопыхах. Запомнились жаркий луковый дух с примесью мексиканских специй и вонь мокрых тряпок и хлорки, от которой под конец его замутило.

«Вот такая личная жизнь, сплошной конфуз», — смущенно думал Гриша, спускаясь в подземку и позвякивая мелочью в просторных карманах пальто. Он часто фантазировал о богатстве, с наглой белизной яхт и золотом вензеля на кованых воротах; но реальность пообтесала его мечты, они полиняли и съезжались.

Теперь ему мечталось робко, на худой конец думалось о достатке: приличной квартире с окнами в Центральный парк и черном лимузине. Хотя прав у него не было, да и водить он так и не научился — боялся:

«Пусть будет шофер, — дерзко придумывал Гриша, — да, негр в белых перчатках!» Но тут же осаживал себя, понимая, что с шофером — явный перебор.

После пары рюмок дрянной текилы Гриша с загадочно-просветленным лицом разглядывал кирпичную кладку гаража напротив: ему грезились мерцающие канделябры и голые спины каких-то томных дев. Девы порочно смеялись, откидывая назад породистые головы.

— И чтоб никакого лука! «Шанель» и «Диор», — сглатывая слюну, шептал Гриша, — «Шанель» и «Диор»! Лови волну, бэби!

Он, безусловно, верил в свое светлое будущее. Не вникая в чепуховые детали, был убежден, что лучшие дни на подходе. Да и как может быть иначе, неспроста ведь судьба наделила его Голосом?

4

Гриша получал бездну писем, точнее, корреспонденция приходила на имя Билли Рокосовского и радиостанции «Новая волна».

Приходили письма из таких дыр и медвежьих углов, о которых Гриша и не слышивал. Шутки ради он даже приколопал административную карту си-си-си-пи (как принято было называть историческую родину на станции) в своем фанерном загончике, небрежно именуемом «офис». Вооружившись сильным увеличительным стеклом, он выискивал населенный пункт очередного отправителя и втыкал туда швейную булавку с головкой под бирюзу.

Постепенно вся карта расцвела бирюзовыми глазками, коробка опустела к марту, на сей раз Гриша купил сразу две, подклеив чек к перечню своих канцелярских расходов.

К гордости примешивалось удивление: Гриша не подозревал, что его радиоголос, усиленный долларами налогоплательщиков (или, по версии совпропаганды, долларами спецслужб), элементарно долетал до Курил, Калининграда и Сухуми.

В ханты-мансийской школе номер три, что в Кондинском районе, был создан тайный фэн-клуб имени Билли Рокосовского. Тайные члены записывали на свои «Яузы» все Гришины программы, разучивали аккорды к песням, а секретным девизом клуба стало «Лови волну, бэби!». Ханты-мансийские фанаты умоляли выслать фото кумира.

Гриша, чуть поколебавшись, отослал им ксерокопию с карточки актера Берта Ланкастера, снабдив ее кучерявым автографом.

Берт Ланкастер отсылался по разным адресам и восторженным девицам, у Гриши для них была заведена отдельная папка: письма те терпко благоухали ядреной болгарской парфюмерией.

Но более всего Гриша поражался той легкости, с которой корреспонденция доходила.

— Как же так? Оказывается, всеильное гэбэ не только не в состоянии заглушить идеологически вредную радиостанцию, но и не в силах остановить поток писем и позволяет им беспрепятственно пересекать границу?

Гриша окидывал взглядом бирюзовое море булавочных глазок и скептически щурился — что-то там явно не так! — или стальной кулак проела ржа, или ежовость рукавиц утратила былую колкость — с Лексингтон-авеню было не разглядеть.

5

Стремительно лысея и преступно экономя на всем (даже сигареты искривались в самый фильтр), Гриша продолжал втыкать бирюзовые булавки и продолжал ждать чего-то важного в жизни. Прожитые годы считались лишь подготовкой, однако постепенно их количество стало вызывать беспокойство. Иногда вдруг прихватывало сердце, и всплывала тоскливая мысль, что все важное на самом деле уже прожито, да и важным-то назвать это можно лишь с большой натяжкой.

Хотя отчего? Ведь помимо грозных хулиганов был еще и утренний дымок над дачной тропинкой, и крепкий стук антоновки в ночном саду, и соседская Ленка Фомина, и рыжие мандарины в крапинках конфетти под елкой, и поджаристая корка французской булки за семь копеек. А главное — ощущение безусловно гарантированного счастья. И как же так вышло, что теперь не то что грядущее счастье, а даже смысл существования и тот выискивался с невероятным трудом?

Гриша ежился, стучал по дереву, запрещал себе даже мысленно произносить слово «неудачник». Оглядывался вокруг: Сережа страстно пил, Витька Немов гонялся за юбками, заносил каждую победу в блокнотик тисненой кожи на завязках, главред Чернодольский коллекционировал что-то художественно-историческое, Снетков сочинял телеграфные стихи, рубя под корень самого Бродского.

Правда, у Гриши был хит-парад. Поначалу Гриша даже рассчитывал въехать на нем в светлую жизнь, но с годами стало ясно, что это и есть самое светлое, это и есть сама жизнь.

Станным манером эфемерный Билли Рокосовский, Гришина выдумка, фантом, постепенно уплотняясь, налился жизнью и вскоре стал даже реальней своего тусклого родителя. Этот чертов Билли, балагуря в микрофон, ронял гнусные намеки на свои амурные приключения, бахвалился убойным свингом на поле для гольфа, хвастал приемистостью нового «феррари». Гриша ловил себя на том, что он завидовал Билли, иногда даже классово ненавидя хамоватого везунчика и дамского любимца, но сам при этом стойко отбивался от Сережи и Немова, упорно ташивших его на Брайтон к каким-то «невероятно сдобным хохлушкам з Полтавщины».

В конце зимы Гриша подцепил вирус, весь Нью-Йорк тогда сморкался, кашлял и чихал, говорили, что-то про вьетнамский грипп, который никакими антибиотиками не возьмешь. С температурой под сорок, в горячечном полубреду, Грише приснилось, что он сидит в парикмахерском кресле, спеленатый белой простыней, и бреет его киноактер Берг Ланкастер. Все лицо намазал пеной, сбрил брови, принялся за волосы. Гриша пытается закричать — куда там — пеной рот забит, хочет вырваться — руки-ноги словно кандалами к креслу приковали. А Ланкастер, гад, бреет и бреет...

6

Заварила эту кашу Дора Леонардовна, мелкая, почти что карлица, обер-сплетница «Новой волны». Она, загородив выход из архива своим небольшим тельцем

(Гриша, со стопкой бобин до подбородка, как раз собирался в монтажную), умильным голосом сказала:

— Грэгори, а вы слышали, что некто Рокосовский включен в состав жюри «Грэмми»?

Гриша растерялся:

— Как Рокосовский? Какой Рокосовский?

— Билл, — сияя, сообщила пигалица, — Билл Рокосовский. Я уж было подумала, не наш ли это Грэгори Горхивер воссиял? — и, по-болоночьи осклабясь, заглянула в глаза.

Гриша, что-то промямлив, протиснулся в коридор, но запнулся и с грохотом рассыпал по полу все кассеты. Собирая, бормотал:

— Какой еще Билл? Нету никакого Билла...

После этого Билли Рокосовский был замечен и другими сотрудниками радиостанции: старик Лавренюк, желчный религиозный обзреватель, бывший власовец, без левой руки, сразу после летучки рассказывал, что некто Рокосовский в сопровождении четырех девиц (Гришу тогда еще удивило — почему именно четырех?) сорвал в Лас-Вегасе баснословный куш (!) — старик потряс над головой сохранившимся кулаком — какие-то невероятные миллионы (!!), которые тут же с треском прокутил за ночь.

Братья Хороших, Гера и Макс, спортивные хроники, зажав Гришу в угол, толкаясь и перебивая друг друга, заливали про вакханалии за кулисами конкурса «Мисс Америка», с азартом подростков в деталях живописуя развратное поведение Рокосовского и конкурсанток.

Проплывавшая мимо красуля Ланская томным контральто объявила:

— Враки! Никаких девиц. Рокосовский — гомосэксуал!

Хохляцкий говорок ее придал последнему слову особенно обидный привкус, еще сильней расстроив Гришу.

Поползли слухи, что Рокосовский — гей, упоминался Элтон Джон, порочный Фредди Меркьюри, тайные оргии в эксклюзивных клубах аморального Сан-Франциско.

— Срам! Содом и Гоморра, — радостно восклицала карлица Дора Леонардовна, — в чистом виде Содом и Гоморра!

Гриша прекрасно понимал, что над ним посмеиваются, он и до этого был излюбленной мишенью редакционных остряков, но отчего-то бесился. В конце концов, Билли Рокосовский принадлежал ему, и только ему. Билли был его чадом и творением, его идолом: какое право имели всякие там однорукие радиопаршивцы вообще проносить это имя, а уж тем более марать его в грязи?!

Вконец расстроенный Гриша поймал на выходе главреда Чернодольского и, вцепившись в пуговицу его твидового лапсердака, сбивчиво и путаясь в деепричастных оборотах, потребовал прекратить «глумление и инквизицию». Чернодольский мрачно кивал лысой головой, пучил глаза и надувал щеки, сияясь не расхохотаться.

Удивительным образом имя Рокосовского вынырнуло пару раз и вне редакции: Гриша подслушал его в обрывке разговора двух продавщиц, другой раз Билли выглянул в толчее автобуса сложенным пополам газетным заголовком:

«...ной скандал...»

«...лли Рокосо...»

7

В том августе стояла изнуряющая жара, асфальт плавился и покрывался дырочками от шпилек и каблуков. Обессилевшие кондиционеры работали на износ, дребезжа пропеллерами и грозя сорваться и улететь.

В телевизоре чугунного Феликса подцепили крюком, он качнулся и повис. Никто не проронил ни звука, лишь Ангелина Вениаминовна из «Культурных вех» громко прошептала:

— Ни х... себе...

И тут всех словно прорвало: поднялся гам, потный главред Чернодольский, толстый и по-бабьи задастый, гремел кулаком по столу, перекрывая шум:

— И наша заслуга! Без ложной скромности!

Молниеносно возник алкоголь, кто-то плеснул в Гришину чашку. Протискиваясь и весело толкаясь плечами, он долго чокался, после залпом выпил.

А когда дым слоистыми волнами стал вытекать в коридор, Лариса пошла пятнами и — запела, Гриша под шумок придвинулся и невзначай приобнял Зиночку из отдела писем. Но Зиночка так зыркнула на него, что он, закашлявшись, быстро засобирался домой. Уже в лифте до него донеслось:

— Без ложной скромности!

Ласково улыбаясь своему мутному отражению и гулким пролетам Бруклинского моста, Гриша в блаженной истоме покачивался в такт, повторяя вслед за колесами: «И наша заслуга... И наша заслуга...»

Жизнь оказалось не такой уж бестолковой штуковиной.

8

Снег выпал только в январе, город притих и посветлел. Кураж к этому времени иссяк, нервная удаля сменилась тревожным ожиданием. Уволили Немова и прикрыли пару программ; Сережа перестал бриться и моментально зарос бородой до самых глаз. В глазах застыла тоска и угрюмое желание надраться до чертей.

К неистребимому запашку дезинфекции добавился в редакции и повис тяжкий дух обреченности: сокращение штатов.

Гриша запрещал себе думать об увольнении, сторонился шушукающихся по углам коллег, прятал глаза, натываясь на сочувственный взгляд. Ныло в груди, тупо и тягуче, спрятав лицо в ладонях, Гриша шептал:

— Я — Билли Рокосовский, меня обожают от Курил до Калининграда, вон — письма!

Он неуверенно повторил все это в кабинете Чернодольского. Даже принес ворох мятых листов с наклеенными сердцами и пестрыми надписями.

Главред с мрачным лицом, серым и обвисшим, тяжело поднявшись, молча сгреб письма и, тщательно скомкав, выбросил в мусорную корзину. Гриша шмыгнул носом, перевел взгляд с корзины на чашку, на кромке красноглазая муха ехидно потирала мохнатые ладошки.

— Но ведь хит-парад, — совсем безнадежно пробормотал Гриша, — хит-парад вне политики...

— Вот именно! — отрубил Чернодольский. — У них там теперь свобода, мать их ети! Демократия! Каждая шелудивая собака теперь в эфире. И у каждой — по хит-параду!

Гриша совсем скис и опустил голову. Главред зарычал, грохнул кулаками в стол и взмолился:

— Ну я-то что могу поделывать, дорогой мой!? Все! Завтра — последний эфир.

9

Гриша не спал всю ночь, накурился так, что уже и не мог затягиваться. Когда окно засветилось мутью, встал, побрел в ванную, постоял перед зеркалом, задумчиво ероша жидкие волосы. Не умываясь, оделся и вышел.

На станции все уже знали, отводили глаза. Сережа, пьяно всхлипывая, больно прижал Гришино лицо к своему прокуренному свитеру:

— Эх, брат! За что боролись!?

И страдальчески выматерился.

В студии, подложив под ноги справочник и придвинув микрофон, Гриша слушал конец выпуска новостей. Прозвучала заставка. Неистойвой гитарной трелью ворвался Гришин джингл:

— В эфир-ре Билли Р-р-рокосовский и его музыкальный хит-пар-рад!

Последний аккорд джингла отразился электронным эхом и умер. Стало невероятно тихо. Гриша сидел с ласковым лицом и простодушно улыбался. Он представлял себе эту великолепную тишину, повисшую от Курил до Калининграда. Потом аккуратно снял наушники и, стараясь не топтать, вышел из студии.

Манхэттен проглотил Гришу: закрутив волчком, оглушил гудками и ревом, адовым грохотом подземки, вырывающимся сквозь решетки мостовой, воем полицейских и пожарных машин.

В себя Гриша пришел лишь под вечер, на скамейке где-то на Парк-авеню. Уже стемнело, сверху сыпало мокрой ледяной крупой. Она таяла на лице и щекотно стекала вниз по щекам и подбородку.

Напротив, через дорогу, сиял вестибюль особняка, люстры янтарными зигзагами отражались в отлакированном асфальте, похожий на адмирала малиновый швейцар важно вышагивал взад и вперед, сверкая цирковым золотом аксельбантов.

— Да-а, земляк, живут же люди!

Рядом с Гришей, привольно закинув назад локоть, сидел здоровенный негр. Лицо его было похоже на мокрый баклажан, в огромном черном кулаке он сжимал пакет, из которого торчало дуло бутылки.

— Хлебнешь? — черный великан подмигнул и ослепил удивительным количеством зубов.

Гриша кивнул. Незвестный алкоголь обжег горло, Гриша закашлялся, негр, смеясь, постучал его по спине. Закурили.

К парадному напротив подкатил длинный лимузин, адмирал вытянулся и раскрыл зонт. Шофер, поправляя белые перчатки, вышел и, степенно обойдя авто, распахнул дверь.

Со скамейки разглядеть пассажира не удалось, он, небрежно закинув шарф, нырнул под тень зонта и скрылся в дверях вестибюля.

— А ты говоришь... — негр всласть затынулся, — деньги! Этот по музыкальной части на радио, говорят, голос какой-то неслыханный. Уникум... А сам, тьфу, не то поляк, не то еврей... — и тут же спохватившись: — А ты не еврей, случайно? А то подумаешь еще... Я ж не в смысле обидеть. Ведь я вас, белых, и не отличаю... мне что поляк, что еврей — все на одно лицо.

Гриша печально усмехнулся:

— Да нет, все нормально, земляк. Все просто замечательно.